

УДК 821.161.1.09-31+929Улицкая

Притчевое начало в романе Л. Улицкой «Лестница Якова»

Н. С. Короткова

Короткова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет, Little-Alessa@yandex.ru

В статье выявляются и анализируются элементы притчи, присутствующие роману Л. Е. Улицкой «Лестница Якова». Отмечается, что притчевое начало пронизывает как отдельные фрагменты текста, так и весь роман. Притчевое начало проявляется на уровнях содержания, философской проблематики и стилистики текста: язык произведения отличается простотой выразительных средств.

Ключевые слова: роман, притча, притчевое начало, символ, Людмила Улицкая, «Лестница Якова», жанр, семейная хроника.

Parable Elements in the Novel by L. Ulitskaya *Jacob's Ladder*

N. S. Korotkova

Natalya S. Korotkova, <https://orcid.org/0000-0001-8961-3521>, Voronezh State University, 1 Universitetskaya Pl., Voronezh 394018, Russia, Little-Alessa@yandex.ru

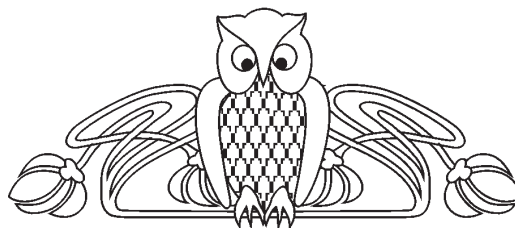
The article identifies and analyzes the elements of the parable inherent in L. E. Ulitskaya's novel *Jacob's Ladder*. It is noted that the parable spirit permeates both individual fragments of the text and the entire novel. The parable is manifested on the levels of content, range of philosophical issues and the style of the text: the language of the work is notable for the simplicity of expressive means.

Keywords: novel, parable, parable spirit, symbol, Lyudmila Ulitskaya, *Jacob's Ladder*, genre, family chronicle.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>

Притча – не просто «дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных чертах близкий басне», это «универсальное явление мирового фольклора и литературного творчества»¹. Притча представляет собой некую историю, в которой речь идет о событиях, происходящих с людьми, о какой-то проблеме, которую они должны решить и для которой, как правило, находят оригинальное решение. При этом сама проблема и ее решение являются важными в мировоззренческом плане и имеющими философское значение с точки зрения бытия человека в мире. Притча – это мудрый наставляющий рассказ, призванный помочь читателю принять правильное решение, верно осмыслить стоящую перед ним (не связанную с притчей напрямую) проблему.

Жанр притчи получил своеобразную интерпретацию в религиозной литературе² и именно благодаря евангельским притчам приобрел широкое распространение и огромную популяр-

ность в литературе и культуре последних столетий. Притча стала содержательной и идейной составляющей музыкальных произведений³, мультипликационных фильмов⁴ и, конечно, художественного творчества разных авторов⁵. Вошла притча и в структуру жанра романа, причем сформировалась даже новая жанровая разновидность – роман-притча, к которой исследователями относятся романы «Пилигримы», «Пробуждение» Г. Газданова⁶, «Мост через вечность», «Единственная», «Бегство от безопасности» Р. Баха⁷, «Русиюния!» Т. М. Батуриной⁸ и др.

Современный роман активно развивается и обретает новые жанровые формы. Роман Л. Е. Улицкой «Лестница Якова»⁹, по мнению исследователей, «демонстрирует высокую степень эстетической новизны в жанре романа и способах реализации романного эпического повествования»¹⁰. Автор показывает здесь распад связи времен и преодоление этого распада¹¹, оригинально интерпретирует тему соотношения личности и истории¹². Своеобразной является и жанровая природа произведения, в которой явно выделяется притчевое начало.

В романе «Лестница Якова» перед читателем разворачивается более чем столетняя (с конца XIX в. до 2011 г.) история жизни семьи Осецких, родоначальником которой был киевлянин Яков. Это нелинейная семейная хроника, в которой судьбы людей, что вообще характерно для произведений Л. Е. Улицкой, тесно связаны с судьбами страны и изображаются в контексте истории. Читатель погружается в текст, в котором описана жизнь шести поколений семьи, знакомится с основными героями – Яковом и его внучкой Норой, читает переписку Якова и его жены Марии.

Притчевость выстроена в романе «Лестница Якова» несколькими способами. В первую очередь, посредством художественной условности и иносказательности. Читатель узнает о событиях жизни героев, перед ним разворачивается романное повествовательное пространство, но одновременно и параллельно открывается пространством концептуальное, претендующее на многоплановость, мировоззренческую глубину и универсальность. В какой-то момент повествования этот второй его план становится первым, т. е. универсальное начинает преобладать над конкретным, а философская, иносказательная трактовка происходящего – над описываемыми писательницей реальными событиями. Важнее становится не то, что происходит, а то, что за этим скрывается, как

может быть интерпретировано событие и чему оно способно научить читателя. Этот переход остается для читателя неявным, он по-прежнему следит за судьбами героев, углубляясь при этом в мировоззренческое пространство текста.

Притчевая составляющая романа требует от читателя размышлений, постижения внутренней сути происходящих событий. Собственно, каждая глава романа выступает как маленькая притча, а затем эти небольшие притчи сливаются в одну – большую, т. е. сам роман. Притчевый характер имеет первая глава романа, в которой рассказывается о смерти 80-летней Марии, о материнстве ее внучки Норы, о похоронах Марии. В первой главе, в соответствии с жанровой спецификой, вырисовываются портреты основных персонажей, устанавливается система отношений между членами семьи. Глубинные смыслы, составляющие здесь философское, притчевое начало, – это мысли о семейной преемственности, о том, что уход одних и рождение других членов семьи – это закономерное, вечное явление. Каждый человек в своем бытии – не только он сам, но и его родственники, живые или уже ушедшие. Нору восхищает даже внешнее семейное сходство: «Они все были в шубках – три бабушкины племянницы с двумя молодыми дочками, Нориными троюродными сестрами, у всех подбородочки книзу заостренные, прелесть»¹³, а внутреннее, ставшее основой характера, воспринимается ею как определяющее всю жизнь человека: как и бабушка, Нора «ненавидела всякую буржуазность, презирала мещанство»¹⁴. Семья трактуется как сильное объединяющее начало. Близкие родственники связаны генетически и по воспитанию, тем воздействием, которое они в течение жизни оказывают друг на друга: «Они ходили в Пушкинский музей... в театры... Как же Нора страстно любила ее тогда...»¹⁵

Притчевое начало проявляется в постепенном усилении философского смысла романа, обращении Л. Е. Улицкой к универсальным категориям добра и зла, теме смысла жизни человека. Появляется мысль о неприемлемости деления мира на полюса, на белое и черное, о невозможности увидеть в мире абсолютное добро и абсолютное зло: «...Внутренняя определенность рассыпалась, и мир делился уже не пополам, между плохими и хорошими, а каким-то иным способом»¹⁶.

Каждый сюжетный фрагмент романа становится инструментом для раскрытия перед читателем какой-то глубокой и важной мысли. Так, в описаниях отношений Норы и сына Юрика, которого она воспитывает одна, передаются глубокие мысли о необходимости тесной связи матери и ребенка и в то же время – о важности свободы в воспитании, об опасности привязать к себе ребенка настолько сильно, что он не сможет быть самостоятельным: «...Когда Юрик делал один шаг в сторону, она увеличивала это расстояние, делая еще один шаг... Так приучала его к независимости и добивалась этого увеличения рас-

стояния, хорошо понимая опасность, возникающую от взаимной замкнутости друг на друга. Он довольно быстро почувствовал вкус свободы»¹⁷.

Притчевое начало является в романе Л. Е. Улицкой сильным, но оно не вытесняет другие начала. В первую очередь, читатель видит семейную сагу – историю интеллигентной и культурной семьи, одновременно обычной и не такой, как все. Читатель втягивается в перипетии этой семейной истории, и притчевость становится менее назидательной, а дидактичность – более естественной. При этом в соответствии с законами притчи все события разворачиваются в двух планах – внешнем и внутреннем. Некоторые важные аллегорические смыслы проходят через все пространство романа, продолжаясь и получая новую интерпретацию в каждой из его глав. Такова, например, мысль о сложности межпоколенных отношений женщин в пределах одной семьи – дочери и матери, внучки и бабушки. Нора понимает, что те чувства, которые она испытывает к матери, а та испытывала к своей матери, неправильны: «...Вся женская линия, к которой она принадлежит, страдает каким-то общим дефектом, своего рода заболеванием: дочери не любят матерей, протестуют против образца поведения, предлагаемого матерью»¹⁸. Нора ничего не может с собой поделать, она пытается разобраться в этой проблеме, но осознает свое бессилие и очень радуется, когда у нее рождается не девочка, а мальчик, и появляется возможность естественным путем разорвать замкнутый круг женского непонимания и недоверия. Этот сильный сюжетный и притчевый мотив дает читательнице (а многие из читателей Л. Е. Улицкой – женщины) возможность задуматься о межпоколенных отношениях в своей собственной семье, осознать те сложности, которые существуют в общении, и попытаться с этими трудностями разобраться. Для Норы способом сблизиться с бабушкой, а затем с мамой, становится их смерть. Именно в моменты, связанные с тяжелой болезнью и смертью, ей удается, наконец, принять старших женщин семьи такими, какие они есть, и полюбить их безусловной любовью. Естественным следствием этого становится сожаление о бабушке: «С Марусей поправить ничего нельзя. Опустилась помириться, а теперь обмывает, одевает...»¹⁹ и о матери: «Как жаль, до слез жаль, что я так мало ее любила, что не прощала ей ее любви, не понимала ее дарования, ее гениальности, которая вся ушла в эту любовь, в эту вот любовь»²⁰.

Притчевый характер романа обуславливает аллегоричность его смыслов и реализуется также посредством ряда символов. Основной используемый автором символ, отраженный в названии произведения, – лестница Якова. Она выступает как связующее звено между землей и небом, как изображение жизненного пути человека, который должен всю жизнь идти снизу-вверх. Это путь от низменного к возвышенному, от быта к бытию, от эгоизма к самоотверженности. Два основные образа романа – Якова и Норы – показывают, что

этот путь может быть разным, но он должен существовать, должен достигаться человеком осознанно и быть важнейшим смыслом его жизни.

Притчевое начало проявляется также на стилистическом уровне произведения. При общей метафоричности на уровне проблематики для притчи характерен минимум образно-выразительных средств при передаче содержания. Такую стилистическую концепцию видим и в романе Л. Е. Улицкой. Текст разворачивается нарочито просто, порой состоит из коротких отрывочных фрагментов: «Генрих обожал мать, избегал отца, и всякий раз, когда Яков пытался заставить его выполнять задания, он искал защиты у матери. Маруся извелась: она снова похудела, напала бессонница, ночной кашель. Врачи говорили: нервы»²¹. Писательница скупко расходует средства выразительности, она стилистически аскетична, что полностью нацеливает восприятие читателя на анализ внутреннего смысла текста романа-притчи.

Итак, роман Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» может быть охарактеризован как роман-притча, как произведение с сильным притчевым началом. Это проявляется в художественной условности произведения, в наличии в нем двух планов: внешнего – содержательного и внутреннего – философского, концептуального, мировоззренческого. Роман символичен, каждый его фрагмент, а также целостный текст выступают как притча и ненавязчиво призывают читателя задуматься о важнейших проблемах бытия – любви, верности, семейных узах, свободе, добре и зле, человеческом общении.

Интерпретация притчи в романе Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» оригинальна и отличается от классического жанра притчи. Писательница и рассказываемые ею, несомненно, притчевые истории не дают готовых ответов на вопросы, не устанавливают четких границ между белым и черным, не определяют раз и навсегда, где добро, а где зло. Назидательность, дидактизм, так важные для жанра притчи, здесь звучат ослабленно. Одним из важнейших этапов восприятия притчи является ее индивидуальное осмысление читателем, которое продолжается уже после того, как притча закончилась.

Примечания

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 304.

- ² См.: Велижанина Е. Сакральное-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
- ³ См.: Левина Е. Притча в музыкальном театре Бенджамин Бриттена : автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1996.
- ⁴ См.: Евтеева Е. Процесс жанрообразования в советской мультипликации 60–80-х годов от притчи – к полифоническим структурам : автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1990.
- ⁵ См.: Дашко Е. Жанр притчи в современной литературе // XII Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ. Севастополь, 2018. С. 3–8 ; Габдуллина В. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2008.
- ⁶ См.: Проскурина Е. Модель «закрытого текста» в романах-притчах Г. Газданова // Сибир. филол. журнал. 2008. № 3. С. 81–89.
- ⁷ См.: Ольшванг О. Сюжетно-пространственная и рецептивная структура романов-притч Р. Баха : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
- ⁸ См.: Тинина З. Роман-притча «Русиюния!» как исторический источник // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–6 (14). С. 109–112.
- ⁹ См.: Улицкая Л. Лестница Якова. М., 2015.
- ¹⁰ Тимина С. Л. Улицкая «Лестница Якова» (к дискуссии о судьбе жанра романа в современной литературе) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2017. № 183. С. 31.
- ¹¹ См.: Бочкина М. Распад связи времен и его преодоление в романах «Письмовник» М. Шишкина, «Лестница Якова» Л. Улицкой и «Авиатор» Е. Водолазкина // Litera. 2017. № 4. С. 87–93.
- ¹² См.: Ничипоров И. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XXI Междунар. науч. конф. СПб., 2016. С. 75–80.
- ¹³ Улицкая Л. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁷ Там же. С. 190.
- ¹⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁹ Безрукавая М., Баскова Ю. Концепция человека в романах Л. Улицкой // Вестн. ОГУ. 2017. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-cheloveka-v-romanaх-l-ulitskoу> (дата обращения: 03.10.2019).
- ²⁰ Улицкая Л. Указ. соч. С. 376.
- ²¹ Там же. С. 429.

Образец для цитирования:

Короткова Н. С. Притчевое начало в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 101–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>

Cite this article as:

Korotkova N. S. Parable Elements in the Novel by L. Ulitskaya *Jacob's Ladder*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 101–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>